

УДК 94 (33)
ББК 63.3

Еврейское меньшинство в польском правовом поле

Виктория Валентиновна Мочалова

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Кандидат филологических наук, ORCID ID: 0000-0002-3429-222X,
старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН,
Россия, 119991 Москва В-334, Ленинский проспект 32А,
корп. «В», комн. 808, тел.: +7 (495) 938-00-70,
E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.7

Аннотация: Запреты и предписания в Польше, позже – в Речи Посполитой играли особую нормотворческую и регламентирующую роль, регулировавшую все возможные аспекты сосуществования еврейского меньшинства с христианским большинством, включая ситуации конфликтов, в сфере светского и церковного законодательства, постановлений, указов, судебных разбирательств. Евреи в польско-литовских землях существовали в условиях довольно сложной правовой системы, становились объектом различных правовых тенденций, что показано в статье на разных примерах, но всегда уважали законы страны и пытались следовать содержащимся в них запретам и предписаниям.

Ключевые слова: *евреи в Польше и в Речи Посполитой, грамоты, привилегии королей и магнатов, церковное законодательство, судебные разбирательства*

В пространстве разнообразных по своему характеру иудео-христианских отношений в польских землях (а после преодоления феодальной раздробленности – в Речи Посполитой) [Hundert 1993, 19–25; Rosman 1993, 39–49] существовала область, где запреты и предписания играли особую нормотворческую и регламентирующую роль, регулировавшую все возможные аспекты сосуществования, включая ситуации конфликтов, – это сфера светских и церковных

законодательных постановлений, указов¹, судебных процессов и разбирательств. Сохранившиеся документальные материалы, связанные с этой сферой, обладают бесспорной ценностью в качестве исторического источника, позволяют приблизить и сделать объемной картину повседневного сосуществования иудейского меньшинства и христианского большинства в Восточной Европе.

Мы остановимся на некоторых примерах – правовых документах различного происхождения, характера и времени создания, иллюстрирующих регламентацию иудео-христианских взаимоотношений, и связанных с ее практическим применением запретах и предписаниях².

Уже в первом законодательном акте, касающемся правовых аспектов пребывания иудеев в польских землях, – Калишском статуте (1264) князя Болеслава Благочестивого, впоследствии распространенном королем Казимиром Великим на другие регионы Польши (1334, 1364, 1367) и, как правило, подтверждаемом последующими польскими королями [Zaremska 2007, 11–34; Heyde 2007, 35–48], подробно регламентировались различные стороны взаимоотношений между христианским большинством и иудейским меньшинством [Jewish Privileges in the Polish Commonwealth 1985, 2–8]³. Параграфы этого статута, заимствованного из более ранних европейских (германских, чешских) правовых документов, свидетельствуют о стремлении светского правителя к созданию режима благоприятствования еврейским мигрантам, приносящим экономическую пользу его казне. С этой целью князь включает в статут запреты и предписания, призванные обеспечить безопасность своих еврейских подданных – налогоплательщиков (запрет на обвинение иудея лишь одним христианином, необходимость свидетельства и другого иудея; нанесение еврею раны карается справедливым приговором и оплатой лечения; убийство еврея карается справедливым приговором и

¹ См. документы, издаваемые верховными властями Речи Посполитой касательно евреев: Sejm czterech ziem 2011, 55–180.

² Радикальным разрешением противоречий между двумя этноконфессиональными группами становились предписания-привилегии для отдельных городов или городских районов, запрещающие проживание евреев (*de non tolerandis Judaeis*) или христиан (*de non tolerandis Christianis*) в иноконфессиональном окружении. См., в частности: Borzumińska 1995, 14–26; Piechotka, Piechotka 2004, 36–48.

³ Здесь же приведена подробная библиография.

конфискацией имущества; за нанесенный еврею удар применяется принятое в стране наказание; христианин, разрушающий еврейское кладбище, помимо обычного штрафа утрачивает свое имущество; за камень, брошенный на синагогу, виновный приносит воеводе два фунта перца; за нападение на еврея христианин предстанет перед земским судом; если нет доказательств, кто убил еврея, мы обеспечим евреям правовую поддержку против подозреваемых; увод еврейского ребенка будет рассматриваться как воровство; евреев нельзя обвинять в употреблении христианской крови; чеканщикам монет нельзя задерживать евреев под предлогом, что они чеканят фальшивые деньги; в случае ночного нападения соседи должны оказать еврею помощь, в противном случае они заплатят штраф 30 шиллингов). Некоторые статьи оговаривали равный статус еврея и христианского горожанина (евреи не должны платить большие пошлины, чем мещане; евреям разрешено покупать любые товары, дотрагиваться до хлеба и иных продуктов), другие – взаимную изоляцию (в доме у еврея никто не должен останавливаться; нельзя ссужать деньги евреям на приобретение недвижимости).

Много (11 параграфов из 36) предписаний касается операций с залогом, что свидетельствует о распространенности именно этого вида экономической деятельности евреев: если христианин подает в суд на еврея, заявляя, что оставлял заклад, а еврей это отрицает, то еврей может оправдаться, поклявшись; если христианин настаивает, что получил от еврея за заклад меньше денег, чем еврей сейчас от него требует, то еврей может доказать свою правоту клятвой; если еврей, не имея свидетелей, утверждает, что христианин забрал залог, христианин может принести клятву; евреям можно брать в заклад любые предметы, кроме церковной утвари и вещей с пятнами крови; если какой-то заклад был краденым, а еврей поклянется, что о краже не знал, то христианин должен ему заплатить за этот взятый заклад деньги с процентами; если заклад христианина у еврея пропадет из-за огня или кражи, еврей может защититься от требований христианина клятвой; пытающийся насильно отобрать у них заклад навлечет на себя кару; если христианин заберет оставленный у еврея заклад и в течение месяца не заплатит процентов, то начисляется процент от процента; если заклад остается у еврея в течение года и одного дня, то он становится его собственностью; евреи могут брать коней в за-

клад только днем; какой монетой еврей ссужал, в такой он может требовать возвращения долга с причитающимся процентом; в дни их праздников евреев нельзя принуждать к возврату зклада.

С одной стороны, светская власть определяла границы и нормы взаимодействия между иудеями и христианами, ориентированные на поддержание гражданского мира в стране и обеспечение экономического процветания, с другой – католический костел предписывал ограничение возможных контактов, и церковные постановления представляли собой иную – по сравнению со светскими статутами – законодательную тенденцию [Kalik 2004, 26–39].

В частности, согласно постановлениям Вроцлавского синода (1267), которые должны были ежегодно повторяться на синодах и земских соборах и строго соблюдаться, а для светских людей – оглашаться в приходских костелах, евреям предписывалось селиться отдельно от христиан, а христианам запрещалось – под страхом отлучения – принимать евреев для проживания в своем доме (это объяснялось опасностью «заражения предрассудками» иудейской религии); запрещалось есть и пить вместе с ними, а также танцевать на свадьбах и праздниках, покупать у них мясо и другие продукты (поскольку, как извечные враги христиан, они могут их таким образом отравить). Евреям предписывалось носить специальный головной убор с рогами, чтобы их легко можно было отличить от христиан (за нарушение полагался штраф); к запретам относились строительство синагог вблизи костелов, наличие более одной синагоги в местах проживания евреев, присутствие христианской прислуги в еврейских домах и др. [Silnicki 1960, 321–379; Fijałkowski 1993, 19–21; Kaźmierczyk 1997, 23–40].

Примечательно, что уже в этих наиболее ранних постановлениях Вроцлавского синода, регулирующих иудео-христианские отношения, обладателям светской власти – «князьям» – вменялось в обязанность не относиться неприязненно к своим христианским подданным, соблюдающим эти предписания синода, то есть авторы этих постановлений отдавали себе отчет в том, что «князья» занимают иную позицию по отношению к своим еврейским подданным, проживающим на их землях.

Выразительным примером обострения противоречия между двумя законодательными тенденциями может служить, в частности,

письмо (1454) кардинала Збигнева Олесницкого королю Казимиру IV Ягеллончику (1427–1492) с упреками и обвинениями в том, что король посмел, не посоветовавшись с кардиналом и «панами радой», подтвердить привилегии и свободы евреев, оскорбляющие христианскую веру и религию. Кардинал призывал короля не пренебрегать этими соображениями и не полагать, что в вопросах христианской веры и религии он может издавать указы, какие ему вздумается. «Никто не велик и не могуществен настолько, чтобы ему нельзя было возражать, если речь идет о вере! И потому я прошу и умоляю Ваше Королевское Величество отменить эти привилегии и свободы, покажите, Ваше Королевское Величество, что вы – католический король, и устраните всякие причины, которые бесчестят ваше имя и могут привести к еще большим несчастьям» [Zaremska 2007, 26].

Правовое положение еврейского населения регулировалось также столь важным институтом Речи Посполитой, как парламент (сейм), заседаниям которого предшествовали земские собрания шляхты (сеймики), издававшие указы своим депутатам высшего законодательного органа. Обычно предписания сеймиков относительно евреев касались вопросов их налогообложения, их экономической деятельности (запреты могли охватывать аренду таможен, земель, торговлю определенными товарами и др.) [Kalik 1995, 15–25]. Предписания, касающиеся иудеев и принимаемые на сеймиках, часто повторяли положения церковного законодательства; например, это заметно в вопросах функционирования синагог поблизости от костелов, строительства и ремонта синагог, использования евреями христианской прислуги⁴.

В свою очередь, еврейские общины польско-литовского государства создали свои автономные институты «парламентского» типа (*ваады*, действовали в коронных землях с 1580 г. до 1764 г., в Великом княжестве Литовском – с 1623 г. до 1764 г.), которые выполняли законотворческую функцию, охватывающую представительскую, фискальную и социальную сферы [Балабан 1914, 161–180; Вишицер 1914, 181–205]⁵.

⁴ См. опубликованные документы: *Sejmy i sejmiiki koronne wobec Żydów* 2006.

⁵ Документы *ваадов* опубликованы: *Sejm czterech ziem* 2011, 183–284; Michalowska-Mycielska 2014; Leszczyński 1994.

Вопросы веры, религиозных различий отражались и в запретах и предписаниях непосредственно судебной практики. Упомянутая в королевских статутах клятва играла в суде важную роль: она считалась одним из доказательств [Borowski 1926; Bardach 1964]. Однако в этих случаях могли возникать вопросы – с обеих сторон – об искренности клятв, о доверии к клятве иноверца. Христианам предписывалось использовать формулу «Да поможет мне Бог и святой крест», иудеи же должны были клясться на свитках Торы «по своему обычаю» («Помоги мне, Господи, который освящаешь и наблюдаешь, и эти Книги Моисея») [Baron 1976, 148–149]. В королевских статутах оговаривалось, что еврею не следует предписывать клясться на Десяти заповедях, за исключением случаев, когда речь идет о ценности, превышающей 50 гривен серебром, в делах же более мелких он должен клясться перед синагогой.

В качестве выразительного примера приведем клятву (1683) двух евреев, Александра и Лейба Мойжешовичей, обвиненных католическим священником в краже дарохранильницы из деревенского костела в Гегужине. Как и предписывалось, она была произнесена в синагоге Вильно перед двумя чиновниками виленской консистории.

Я, Александр, и я, Лейб, Мойжешовичи клянемся Господу Богу единому, который сотворил небо и землю и все вещи видимые и невидимые, в том, что мы невинно обвинены паном ксендзом Павлом Толочко... в святотатстве, которого мы никогда не совершали, и Мартина Шлавиńskiego никогда не просили дать нам ключи от костела, и не покупали его, и не спаивали ради обретения этих ключей, и никакого колдовства, как рассказывает пан ксендз, к Мартину Шлавиńскому не применяли, и не искали способов околдовать Мартина Шлавиńskiego, и никогда не открывали гегужинский костел, и не были там, и никакой коробки из него не осмелились брать, и ее не видали. В чем мы по закону присягаем, да поможет нам Бог. А если мы хоть в каком-то пункте не по закону присягаем, пусть нас Бог, который в ковчеге во времена потопа спас восьмерых людей, накажет и погубит. Который пять городов, Содом и Гоморру страшным огнем спалил. Который с Моисеем говорил из горящего куста и который Моисею дарованный закон написал своей рукой на каменных скрижалях. Пусть нас погубит Господь, который уничтожил фараона на Красном море, а евреев провел невредимо в землю, текущую молоком и медом. Который евреев сорок лет кормил ман-

ной в пустыне. Пусть нас Бог ввергнет в ад с душой и телом. Пусть нас живо поглотит земля, как поглотила она Дафана и Авирона. Пусть нас поразит проказа, которая, оставив Наамана, перешла на Гиезия. Пусть мы будем извергнуты из закона, который Господь Бог дал Моисею через десять заповедей на горе Синай. Пусть постигнет нас кара, которая записана для клятвоступников в Пятикнижии Моисеевом. Пусть мы превратимся в камень, как жена Лота обратилась в соляной столп. Пусть кровавая болезнь нас никогда не покинет, если мы ложно присягаем в каком-либо пункте. Пусть мы никогда не достигнем лона Авраама и пусть нас Бог навеки осудит и проклянет. Так помоги нам, Боже [Wilnianie 2008, 311–312].

Клятва, произнесенная в соответствии с существовавшими предписаниями, как «королева доказательств» была принята, и дело было прекращено.

Уже в первых грамотах, дарованных в польских землях евреям, оговаривалась далеко идущая автономия общин, включавшая независимость раввинских судов (внутренние тяжбы евреев не подлежали рассмотрению городских судов, проступки евреев должны были рассматриваться в их синагогах), при этом евреи пребывали под опекой короля или воеводы, то есть предписывалась их подчиненность верховной власти в стране (если еврей, вызванный своим судьей, не явится дважды, то должен заплатить обычный штраф, а если не явится в третий раз, то заплатит более высокий штраф).

Вместе с тем сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что имело место и существенное вмешательство со стороны как светских, так и духовных властей во внутреннюю жизнь еврейских общин, границы автономии и самоуправления которых были проницаемы для такого внешнего вмешательства.

Например, владелица слуцких и копысских земель Людвика Каролина Радзивилл запрещает (1681) проживающим в них евреям обращаться для решения спорных внутренних вопросов в раввинский суд Бреста, строго предписывая им судиться только в Слуцке [Żydzi polscy 2001, 10–11], а Павел Кароль Сангушко предписывает главам общины Острога придерживаться старых обычаев и не игнорировать права степаньского кагала (от которого ему и поступила жалоба), не устанавливать размер налогов и не выбирать раввина без представителей этого кагала [Żydzi polscy 2001, 36].

Познаньский воевода Войчех Константин из Горая Бреза вступает (1696) за несправедливо, на его взгляд, обвиненного и оклеветанного единоверцами на окружном сеймике познаньского раввина Нафтали Исаковича (к тому же в его отсутствие), отменяет решения этого сеймика, строжайше предписывает всем главам еврейских общин, находящихся в его юрисдикции, приехать к нему как к своему верховному судье в Познань для разбирательства в присутствии оболганного ими раввина, а впредь запрещает представителям еврейских общин собираться на какой-либо сеймик без его ведома [Żydzi polscy 2001, 16–17].

Видный государственный и военный деятель Ежи Игнаций Любомирский в весьма пространным документе устанавливает порядок организации совместного (иудейско-католического) цеха резников в принадлежащем ему Жешове, предписывая, что главой цеха может быть только католик, а мастеров должно быть неравное количество (16 католиков и 6 иудеев), и запрещая забой скота без ведома арендатора. В другом своем указе он запрещает кагалу налагать *херем* (проклятие) на кого-либо из проживающих в его владениях евреев, если в этом случае могут быть затронуты интересы его казны или имущества другого христианина. На херем следует получать разрешение «из замка» и лишь в делах, рассматриваемых между евреями, его можно накладывать без ведома высшей власти [Żydzi polscy 2001, 36–43].

В свою очередь, епископальный краковский суд издает обвинительный декрет еврейской общине Ожарова (1727) за нарушение «церковных канонов», выразившееся, в частности, в том, что она без согласия епископа отремонтировала синагогу и кладбищенскую ограду (за это был выписан штраф в размере 100 злотых – в пользу ожаровского приходского костела). Суд наложил запрет на самовольный ремонт синагоги в будущем – под угрозой ее сноса в таком случае, на «несоблюдение церковных праздников», продажу водки до конца церковной службы, покупку домов у католиков, содержание христианской прислуги, на громкую музыку, на перенос торговых дней с субботы на воскресенье – под угрозой штрафа в 20 гривен [Żydzi polscy 2001, 171–173].

Пространное «пастырское послание» луцкого епископа Франциска Антония Кобельского к «еврейскому населению» (1741), кото-

рое должно было читаться в синагогах, предписывает ему слушать в синагоге проповеди присылаемого священника о пришествии Мессии, по крайней мере, раз в квартал, запрещает нанимать христианскую прислугу, брать в аренду земли и исполнять какие бы то ни было функции, ставящие христиан в подчиненное положение. Список епископских запретов обширен, он включает среди прочего привоз и печатание еврейских книг без предварительного разрешения местного архидьякона, привлечение христианина в качестве сторожа на еврейском кладбище, работу во время христианских праздников, склонение выкрестов к возврату в иудейскую веру и др. [Żydzi polscy 2001, 53–57].

Светская власть (король или магнат, во владениях которого проживают евреи) [Rosman 1990; Horn 1997, 5–17; Teller 1997, 41–63; Kaźmierczyk 2002] могла вставать на защиту еврейского населения от всякого рода попыток его притеснения, издавая соответствующие запреты и предписания. Например, витебский воевода (после жалобы литовских евреев) издает охранную грамоту копысским евреям, обвиненным в ритуальном убийстве, поскольку такие дела должен по закону рассматривать сеймовый суд, а не копысская администрация, не имевшая на это права [Żydzi polscy 2001, 87].

Король Михал Кобыт Вишневецкий (1640–1673, правил с 1669 г.) после поступившей от евреев жалобы издал специальный запрет (1670) на неверную интерпретацию постановлений сейма, касающихся евреев, и ее злонамеренное распространение, приводящее к антиеврейским беспорядкам и насилию. Король настаивает на строгом соблюдении предписаний сейма и осуждает их самовольное и произвольное толкование в ущерб безопасности и интересам еврейского населения: «Забываясь о Речи Посполитой и полагая это также относящимся к нашему королевскому достоинству, чтобы упомянутые евреи пребывали в спокойствии и без всяческих огорчений, мы постановили предотвратить их обиды...» В королевском указе подчеркивается, что ранее сформулированные в документах сейма запреты, касающиеся еврейского населения, имели ограниченный спектр действия и не должны трактоваться расширительно. Так, вопросы, связанные с христианской прислугой в еврейских домах, *de jure* относятся исключительно к компетенции старост в местах проживания евреев, а не всех желающих, и этим уполномочен-

ным людям следует стараться, чтобы евреям не был нанесен ущерб. Адресованные евреям предписания о нахождении дома во время христианских праздников относятся лишь к празднику Тела Господня; а если священник идет со святыми дарами, то евреям следует посторониться. В случае, если еврей окажется во время этого праздника в таком городе или местечке, где нет евреев, и ему негде будет укрыться во исполнение данного предписания, то его следует гостеприимно разместить в христианском доме [Żydzi polscy 2001, 7–9].

Этот король издал и указ (1672), предписывающий «всем и каждому, а именно знатным людям, высокогородным, сенаторам, чиновникам, а также замковым и городским судам» всячески обеспечивать безопасность евреев. Этот указ был вызван опасениями готовящегося к войне с Турцией короля, что в такой неподходящий момент в стране могут возникнуть беспорядки, спровоцированные ложными обвинениями евреев в способствовании этой войне. Непосредственным поводом для издания этого указа явилась жалоба королю от евреев, подвергающихся в результате таких ложных обвинений преследованиям, грабёжам: «и не только на дорогах со своими товарами они не находятся в безопасности, но и пребывая в своих домах, опасаясь нападения и грабежа, отчего, не имея заработка, они не могут вносить налоги в казну Речи Посполитой». Очевидно, что последнее соображение имело решающий вес при издании данного указа, предписывающего «не верить таким слухам, которые распространяют люди, жаждущие беспорядков и грабежей», и обеспечивать безопасность евреев коронных земель [Żydzi polscy 2001, 9–10].

Подобными по целям были и указы владельцев частных (не королевских) городов. Показательным примером могут служить постановления владельцев Жабно, приведшие к экономическому расцвету города и еврейской общины, которая к XIX в. составила около половины от общего числа жителей [Burchard 1990, 223; Muszyńska 1998, 195–196]. Можно предположительно датировать прибытие сюда евреев на основании первой касающейся их грамоты (1675), дарованной им владельцем Жабно, Рафалом Казимиром Маковецким, и предусматривающей далеко идущие свободы в ведении экономической деятельности. Спустя годы (1692) ее почтительно воспроизводит и возобновляет сын Рафала, Лукаш Франтишек Маковецкий, «ни в малейшей степени от нее не отступая»:

Все условия, свободы, статьи, подробности я хочу иметь сохраненными в письменном виде и предписываю их выполнение своим наследникам на вечные времена, и в доказательство одобрения я распорядился записать эту мою особую привилегию, в силу которой они не должны иметь никаких помех ни в местах проживания, ни в целом в каких-либо торговых делах» [Żydzi polscy 2001, 12–13].

В этом пространном документе подробно оговаривается освобождение евреев от всех трудовых повинностей, работ на пана и город, за исключением общественных работ по строительству валов у реки Дунаец в случае чрезвычайных ситуаций, поскольку это касается всех жителей Жабно.

Можно отметить противоречие этой «привилегии» соответствующим церковным указам – и в том, что касается неограниченной возможности расселения в городе: евреям разрешается с согласия владельца города покупать любые пустующие дома и никому не принадлежащие земельные участки, а если им потребуется отдельная улица, у рынка или в другом месте, то им обещано указать для этого место; и в занятиях ремеслом или торговлей они не будут встречать каких бы то ни было ограничений. Владелец города говорит здесь и о запрете всевозможных беспорядков, которые «никакой пользы наследному господину и городу не приносят», он хочет, чтобы в его городе мещане против евреев и евреи против мещан не устраивали никаких бунтов – под страхом штрафа в 50 гривен от каждого бунтовщика.

Здесь же гарантируется безопасность синагоги и огороженного еврейского кладбища (как и разрешение – в случае необходимости – на строительство большей синагоги), а также освобождение от налогов домов раввина, кантора и «домиков при кладбище» (вероятно, дома погребального братства. – *В.М.*), устанавливается величина налогов, размер процентов на заклады и платы за продажу спиртных напитков. Этот документ свидетельствует о том, что его автор был озабочен и улучшением своего города: евреям разрешалось строить новые красивые дома в любом месте, а если это будет большой заезжий дом с конюшней, то построивший его на семь лет будет освобожден от всех налогов, выплачиваемых владельцу города (но не от налогов в государственную казну) [Żydzi polscy 2001, 12–15].

Судебные документы содержат яркий материал, свидетельствующий о пестром многообразии иудео-христианского сосуществования в Речи Посполитой, которое затруднительно представить лишь в черно-белом цвете. Судя по документам судебных разбирательств, например, запреты на использование евреями христианской прислуги часто обходились: в гродском суде Вильно сохранилась жалоба (1644) Самуэля Якубовича на его служанку Гальшку Кожевичувну, которая, воспользовавшись тем, что хозяева ушли в синагогу встречать шаббат, выкрала из дома четыреста злотых [Wilnianie 2008, 310]. Такого рода дела между иудеями и христианами рассматривались преимущественно в гродском суде, который был более благосклонен к иудеям, чем магистрат. Многоконфессиональный Вильно, где в XVII в. соседствовали католики, кальвинисты, лютеране, православные, униаты, мусульмане и иудейская община, пользующаяся самоуправлением, отличался от других королевских городов польско-литовского государства своей давней традицией мультикультурализма, а возникающие проблемы сосуществования между отдельными группами населения были – сравнительно с Западной Европой – значительно менее острыми и частыми. Среди архивных документов находим красочные описания совместных цеховых парадов и военных учений, нередко сопровождавшихся столкновениями [Wilnianie 2008, 105–108]; протокол (1689) о продаже виленским патрицем своего дома синагоге и кагалу [Wilnianie 2008, 297–298]⁶; жалобу в суд (1665) виленских евреев Лазаря и Фолтына Михаловичей на хозяина снимаемого ими помещения на ул. Шкляной, слесаря Гануса Пецельта, который, затаив почему-то злобу на ни в чем не повинного Лазаря, ворвался к нему со своей челядью и, не объясняя причин своего поведения, избил его и его жену, которая пыталась сопротивляться изъятию их вещей, забрал все вещи истца, деньги – 36 злотых, платки, жупаны, подушки, перинку, простыни и т.д., разбил окна и едва не поранил самих евреев. Факты, изложенные в исковом заявлении, были проверены представителем суда Казимиром Тарановским, засвидетельствовавшим нанесенный урон здоровью и имуществу [Wilnianie 2008, 297–298].

⁶ Ганус Пецельт в 1669 г. проходил и по другому делу, не связанному с евреями: родственники его жены подали на него в суд за ее систематические избиения и угрозу убийства [Wilnianie 2008, 298–299].

Еврейская тема может звучать в суде и при разбирательстве тяжбы между христианами, как это имело место в деле скорняков-ремесленников (1675), когда истец говорит обвиняемому: «Вы с нами судитесь напрасно, а сами евреям шкуры продаете, что противозаконно», – в ответ на что обвиняемый так разъярился, что начал осыпать обидчика оскорблениями, отказывая ему в наличии чести, веры и доброй репутации, и собирался побить, что и было записано в судебной книге [Wilniane 2008, 103–104].

Меир Якубович подал иск (1679) к христианину, стекольщику Лукашу Рыцевичу, у которого были конфликты внутри своего ремесленного цеха, но, не имея возможности их там разрешить, он направил свою агрессию вовне: во время учений, будучи пьяным, он напал с саблей на еврейского истца, спокойно шедшего со своим (еврейским же) спутником, и ранил его. Это произошло неподалеку от дворца виленского воеводы, гетмана Михала Казимира Паца (1624–1682), и заметивший это нападение ротмистр гетмана приказал своим подчиненным спасти жертву от неминуемой смерти, а нападавшего задержать и привести ко двору воеводы. Разобравшись, что стекольщик подлежит магдебургской юрисдикции, ротмистр отослал его к городскому голове, чтобы тот до судебного разбирательства заключил его в тюрьму. В своем иске истец требовал привлечь ответчика к уголовному наказанию и взыскать с него компенсацию за предстоящее лечение и судебные издержки. Привлеченный свидетель подтвердил наличие раны на руке истца и повреждение одежды [Wilniane 2008, 308–309].

Характерный случай, свидетельствующий, в частности, о неоднозначности или, по крайней мере, разнообразии отношения к евреям со стороны представителей польского общества, даже внутри одной семьи, произошел в 1635 г. во время беспорядков в еврейском квартале. Один из домов здесь, в конце Еврейской улицы, занимала семья советника магистрата Яна Войшнаревича. Его жена упоминается в судебной жалобе евреев: «Пани Войшнаревич, стоя у окна, кричала толпе: “Оставьте в покое бедных евреев, идите к богатым, там найдете богатства”». Судя по сообщению виленского генерала Юзефа Борткевича, разгневанный Ян Войшнаревич публично обратился к Иуде Абрамовичу: «Вы запачкали мою жену записью в виленских гродских книгах, но ваше счастье, что меня там тогда не было, я бы

приказал сто евреев утопить, и скоро мы вас из города изгоним» [Wilnianie 2008, 309]. К 1670 г. относится иск мещанина Элиаша Евчица к братьям его (еврейской) жены Юзефу, Гиршу и Нохиму Израелевичам об убийстве его жены [Wilnianie 2008, 314–315].

Судя по этим многочисленным документам, евреи могли искать защиту в польских судебных органах, верили, что могут ее там обрести как полноправные граждане страны – и действительно обретали. Таким образом, они не воспринимали польские власти как заведомо враждебные (впечатляющих примеров вмешательства короля или владельца города, встающих на их защиту, множество) и полагали, что случаям немотивированной, неспровоцированной агрессии христианских соседей или нарушениям правовых предписаний будет положен законный конец.

Следует признать, что иудеи в польских землях существовали в условиях довольно сложной правовой системы, становились объектом различных правовых тенденций, как показывают приведенные примеры разного рода, однако они с неизменным уважением относились к законам страны и старались следовать как содержащимся в них запретам, так и предписаниям.

Литература и источники / References

- Балабан 1914 – *Балабан М.* Еврейский сейм в Польше, или ваад Короны, и сеймики, или ваады округов // История евреев в России. Т. I (История еврейского народа. Т. XI. М., 1914). С. 161–180.
- Вишницер 1914 – *Вишницер М.* Литовский ваад // История евреев в России. Т. I (История еврейского народа. Т. XI. М., 1914). С. 181–205.
- Bardach 1964 – *Bardach J.* Historia państwa i prawa Polski. T. I. Do połowy XV wieku. Warszawa, 1964.
- Baron 1976 – *Baron S.W.* A Social and Religious History of the Jews. Vol. XVI. Poland – Lithuania 1500–1650. New York, 1976. P. 148–149.
- Borowski 1926 – *Borowski St.* Przysięga dowodowa w procesie polskim późniejszego średniowiecza. Warszawa, 1926.
- Borzymińska 1995 – *Borzymińska Z.* Studia z dziejów Żydów w Polsce. Warszawa, 1995. S. 14–26.
- Burchard 1990 – *Burchard P.* Pamiątki i zabytki kultury Żydowskiej w Polsce. Warszawa, 1990.
- Fijałkowski 1993 – *Fijałkowski P.* Dzieje Żydów w Polsce. Wybór tekstów źródłowych. XI–XVIII wiek. Warszawa, 1993. № 2. S. 19–21.

- Heyde 2007 – *Heyde J.* Ewolucja zwierzchności królewskiej nad ludnością żydowską w XVI wieku // *Małżeństwo z rozsądku? Żydzi w społeczeństwie dawnej Rzeczypospolitej* / Pod red. M. Wodzińskiego, A. Michalowskiej-Mycielskiej. Wrocław, 2007. S. 35–48.
- Horn 1997 – *Horn M.* Jewish Jurisdiction's Dependence on Royal Power in Poland and Lithuania up to 1548 // *Acta Poloniae Historica*. 1997. № 76. P. 5–17.
- Hundert 1993 – *Hundert G.D.* Some Basic Characteristics of the Jewish Experience in Poland // *From Shtetl to Socialism. Studies from Polin* / Ed. by A. Polonsky. London; Washington. 1993. P. 19–25.
- Jewish Privileges in the Polish Commonwealth 1985 – *Jewish Privileges in the Polish Commonwealth* / Ed. by J. Goldberg. V. I. Jerusalem, 1985. P. 2–8.
- Kalik 1995 – *Kalik J.* The Jewish Arenda in Shlachta Public Opinion in the 17–18th Centuries // *Gal-ed*. 1995. № 14. P. 15–25.
- Kalik 2004 – *Kalik J.* Jews in Catholic Ecclesiastical Legislation in the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Kwartalnik Historii Żydów*. 2004. № 1 (209). P. 26–39.
- Kaźmierczyk 1997 – *Kaźmierczyk A.* The Problem of Christian Servants as Reflected in the Legal Codes of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Second Half of the 17th Century and in the Saxon Period // *Gal-ed*. 1997. № 15–16. P. 23–40.
- Kaźmierczyk 2002 – *Kaźmierczyk A.* Żydzi w dobrach prywatnych w świetle sądowniczej i administracyjnej praktyki dóbr magnackich w wiekach XVI–XVIII. Kraków, 2002.
- Leszczyński 1994 – *Leszczyński A.* Sejm Żydów Korony. 1623–1764 / Red. Z. Borzymińska. Warszawa, 1994.
- Michałowska-Mycielska 2014 – *Michałowska-Mycielska A.* Sejm Żydów litewskich (1623–1764). Warszawa, 2014.
- Muszyńska 1998 – *Muszyńska J.* Żydzi w miastach województwa sandomierskiego i lubelskiego w XVIII wieku. Kielce, 1998. S. 195–196.
- Piechotka, Piechotka 2004 – *Piechotka M., Piechotka K.* Oppidum Judaeorum. Żydzi w przestrzeni miejskiej dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 2004. S. 36–48.
- Rosman 1990 – *Rosman M.* The Lords' Jews. Magnate-Jewish Relations in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Eighteenth Century. Harvard, 1990.
- Rosman 1993 – *Rosman M.* A minority views the majority: Jewish attitude towards the Polish-Lithuanian Commonwealth and interaction with Poles // *From Shtetl to Socialism. Studies from Polin* / Ed. by A. Polonsky. London; Washington. 1993. P. 39–49.
- Sejm czterech ziem 2011 – *Sejm czterech ziem. Źródła* / Przygot. J. Goldberg, A. Kaźmierczyk. Warszawa, 2011.
- Sejmy i sejmiki koronne wobec Żydów 2006 – *Sejmy i sejmiki koronne wobec Żydów. Wybór tekstów źródłowych* / Wyb. i opr. A. Michałowska-Mycielska. Warszawa, 2006.
- Silnicki 1960 – *Silnicki T.* Kardynał legat Gwido, jego synod wrocławski w roku 1267 i statuty tego synodu // *Z dziejów Kościoła w Polsce. Studia i szkice historyczne* / Red. T. Silnicki. Warszawa, 1960. S. 321–379.

- Teller 1997 – *Teller A.* The Legal Status of the Jews on the Magnate Estates of Poland-Lithuania in the Eighteenth Century // Gal-ed. Vol. 15–16. 1997. P. 41–63.
- Wilnianie 2008 – Wilnianie. Żywoty siedemnastowieczne / Opr., wst., comment. D. Frick. Warszawa, 2008. S. 311–312.
- Zaremska 2007 – *Zaremska H.* Przywileje Kazimierza Wielkiego dla Żydów i ich średniowieczne konfirmacje // Małżeństwo z rozsądku? Żydzi w społeczeństwie dawnej Rzeczypospolitej / Pod red. M. Wodzińskiego, A. Michalowskiej-Mycielskiej. Wrocław, 2007. S. 11–34.
- Żydzi polscy 2001 – Żydzi polscy. 1648–1772. Źródła / Opr. i wst. A. Kaźmierczyk. Kraków, 2001. S. 10–11.

Jewish Minority in the Context of Polish Law

Victoria Mochalova

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ph.D. (Philology), ORCID ID: 0000-0002-3429-222X, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 119991 Moscow B-334, Leninsky Prospect 32A, build. «B», room. 808, tel.: +7 (495) 938-00-70, E-mail: vicmoc@gmail.com

Summary: Prohibitions and regulations in Poland, later Poland-Lithuania played a special rule-making and regulatory role, regulating all possible aspects of coexistence of Jews and non-Jews, including situations of conflict – this is the domain of secular and church legislation, decrees, lawsuits. Jews in Polish lands existed under conditions of a rather complex legal system, they became subject to various legal tendencies, as shown in the article by various examples, but they always respected the laws of the country and tried to follow both the prohibitions and the prescriptions contained therein.

Keywords: *Jews in Poland and Poland-Lithuania, charts, privileges of kings and lords, church legislations, judicial proceedings.*